

торский венец⁴. Затем все собравшиеся еще несколько раз провозгласили «многие лета»⁵ молодому императору, который в сопровождении свиты направился в Палатинский дворец. Обряд коронации Михаила был назначен и состоялся в день преставления Константина, по-видимому, с намерением подчеркнуть преемство Палеологовской династии, продолжающей деяния преобразователя империи ромеев: в тот день, когда покинул земной мир Константин Великий, на престол вззошел его преемник, получающий признание в качестве Нового Константина.

А.Н. Бурмейстер

Гренобльский университет, Франция

Судьба России между просветительской революцией и популистской контрреволюцией*

Название сегодняшнего моего выступления очень похоже на название доклада, который я читал в Москве в Институте всеобщей истории Академии наук в апреле 2001 года и который еще до сих пор там не опубликован: «*Просветительская революция сверху и большевистская контрреволюция*». Я стремился доказать, что по мере того, что октябрьский переворот поставил сокрушительный конец завоеваниям просветительской петровской революции, влиянию европейской культуры, буржуазной цивилизации, двухсотлетнему процессу сближения России с Западом, Ленин был контрреволюционером. По-видимому, несмотря на все пересмотры и перестройки, образ вождя мировой революции и значение «первой в истории человечества победоносной социалистической революции» остались непоколебимы в сознании постсоветских историков!

Снова вам прочесть этот доклад я не намерен; он останется в распоряжении тех, кто захочет познакомиться с ним и с другими моими работами того же порядка на эту тему. Лучше я объясню вам, какой смысл я даю понятиям *революция* и *контрреволюция* и в данных условиях, и вообще в масштабах западной истории и европейской культуры. В моих глазах, несмотря на все изгибы, отставания, отречения, Россия принадлежит этому миру, хотя бы по своему христианскому наследию. Я предлагаю вам следующую схему общего исторического развития европейских стран:

	1 этап	2 этап	3 этап
Политика	Самодержавие; держава-вотчина	Просвещенный деспотизм; государство	Демократия; правовое государство
Экономика	Сельское хозяйство; крепостное право	Промышленная революция; научно-технический прогресс	Мировой рынок; либерализм
Общество	Патриархальное, примат военному	Просвещенное / народ Гражданское / военное	Гражданское; потребительское
Культура	Религиозная; соборность	Светская / религиозная; эмансипация личности	Секуляризация; плюрализм

⁴ Pachymeris. Vol. II. P. 196.

⁵ Ibid.

* Доклад сделан в октябре 2003 г. в Ягеллонском университете г. Кракова (Польша).

1 этап: *Средние Века*, 2 этап: *Новое Время* (1453–1789), 3 этап: *Современность*.

Все страны, которые являются теперь членами Европейского Союза (ЕС) или выступают в качестве кандидатов, могут узнать себя в этой схеме, разумеется, с некими поправками, особенно в области *политики*. Некоторые из них только стремились стать державами и едва ли когда-либо были суверенными, независимыми государствами. Парадоксальное вступление их в ЕС, на 3-м этапе, одновременно обеспечивает их независимость и ограничивает их суверенитет.

Переход с 2-го на 3-й этап, особенно в Англии и затем во Франции, обладающими увековеченными формами правления, сопровождался глубоким общественным кризисом, гражданской войной, кровопролитием, цареубийством, но термин «революция» тогда еще не принимал то значение, которое он завоевал в XIX веке. В борьбе со Стюартами говорили о сопротивлении, о неподчинении самовластию во имя закона природы, во имя возврата к вековым началам. Революция — резкое изменение (перелом) насильственным путем, в политике и правлении государства, не воспринималась в перспективе линейного, невозвратного процесса, а в образе вращения, в первоначальном смысле слова, *révolution* по-французски: вращение земли вокруг своей оси, луны вокруг земли, законченный цикл, предполагающий возвращение, повторение, постоянное возрождение, *éternel retour* (рождение, рост, расцвет, падение, кончина). Для сторонников королевства казалось вполне естественным возвращение после смут, ряда «революций», отклонений к законному монархическому режиму; для либералов — возвращение к началам правового государства, например, для англичан — *Славная Революция* 1688 г. Провозглашением независимости 13 штатов открывается в июле 1776 г. история Соединенных Штатов, но американцы говорят тогда не о «революции», а о независимости по отношению к английской короне, о восстановлении самостоятельности, которой, до введения несправедливых налогов, уже обладали в Америке местные представительные учреждения. Их лозунгом был: «No taxation without representation».

С конца XVIII в. представление о «Революции» меняется, естественно, под влиянием событий во Франции. Слово революция принимает, в перспективе *прогресса*, новый смысл безвозвратного перехода на новый исторический этап. Однако в сознании самого Ж. Мишле, известного историка, автора «*Истории Французской Революции*», понятие «возвращение» так привилось, что в предисловии он пишет: «Je définis la Révolution l'avènement de la loi, la résurrection du Droit, la réaction de la Justice»¹. Ссылаясь постоянно на законность, западные монархисты и либералы, как правило, в оправдание эксцессов революции говорили о *реставрации* ущемленного Права, оскорбленной Справедливости.

А как обстоит дело с Россией? Русский язык обладает неисчерпаемым запасом слов и выражений. Кругооборот или круговорот? Цикл, заканчивающийся возвратом к исходному положению, или процесс, вихрь, порывистое круговое движение, подобное метели? Россия, несомненно, прожила 1 этап, он длился особенно долго из-за татарского ига, который, при полном отсутствии суверенитета страны, причиняет непомерный рост державы-вотчины, Московского княжества, в ущерб государственности. Он вызывает глубокий кризис, политический хаос. «Смутное время» благоприятствует таким нововведениям, как Земский Собор, на который Иван Грозный опирался лишь в начале своего царствования как «договорный»,

¹ Я определяю Революцию как признание закона, возрождение Права, реакцию Правосудия (*франц.*).

выборный царь, государь-избранник народа, вместо государя-хозяина, и прочие начинания по примеру польской «республики», где короля избирали и где правило землевладельческое боярство. Но воцарение династии Романовых, с восходом на престол «Избранника Божьего», вскоре рассеяло надежды русской шляхты, посадских и уездных людей, восстановило самодержавие, хотя уже на других началах и послужило подготовкой к переходу на 2-й этап, к созданию государства по инициативе «просвещенного деспота».

Если в XVII в. для России европеизация становится неминуемой, это не оттого, что ее правители отказываются от вековых начал, от объединения всех земель российских, от защиты православной веры: Россия должна стать европейской, чтобы остаться русской. В этом парадоксе звучит вызов: «быть или не быть». Россия в постоянной конфронтации со своими близкими соседями, со Швецией, с Польшей, с Турцией (впрочем, надежными союзниками Франции). Тогда как хозяйство ее все больше и больше зависит от Европы, они огораживают прямой доступ к Западу. Со времен Ивана Грозного русские войска стремятся к Прибалтике, к Черному морю с целью восстановить древний путь из варягов в греки. Оттого что стало невыносимым довольствоваться за дорогую цену набором западных рекрутов, ввозом западного оборудования, царь Петр приступает к двум коренным реформам, военной и финансовой.

Военная реформа причиняет историческую и политическую смерть боярства как правящего класса и рост служилого люда «по отечеству», дворянство или шляхетство. Отмена местничества (порядок замещения должностей в зависимости от знатности рода) в пользу заслуги дает решительный перевес службе над родом. Вместо родословной книги, вместо прежней служебной иерархии: окольный, стольник, стряпчий, учреждается новая бюрократическая иерархия Табель о Рангах (24 января 1722 г.) Новая армия обладает теперь всесловным составом.

Финансовая реформа вызвана необходимостью покрывать растущие военные расходы в связи с постоянными войнами, с оборудованием линейных кораблей. Подушная перепись дает возможность переложить налог с земли на души, на крепостных под ответственностью владельца. Казенная польза новой подушной подати несомненна, но она причиняет жестокое упрощение общественного состава крестьянства, упраздняет все промежуточные сословия (холопы, однодворцы, тяглые, вольно-гулящие, церковники, посадские, черносотные) и сводит его к двум состояниям: государственным и крепостным людям.

В глазах Петра Великого державность потеряла вотчинный характер прежней Московской Руси в пользу государственности. Сам он смотрит на свою деятельность, как на служение государству. Новым должностным лицам он хочет привить новые понятия, но, к сожалению, они им не всегда по плечу. Создается впечатление, что, несмотря на победы, на успехи внешней политики, особенно после смерти Петра, растет хаос, круговорот, вызванный потрясением умов, насильственными методами, сопровождающими реформы в чисто прагматических интересах государства. Можно ли при таких условиях назвать царствование Петра «Просветительской Революцией сверху»?

Опять парадокс: в век Просвещения в Европе боковыми следствиями петровских реформ являются, с одной стороны, расширение крепостного права на все крестьянское население, а с другой, по примеру Запада, но принудительными регламентами, развитие работоспособности дворянства благодаря обучению и прививка полезных знаний в военной и морской

технике. Таким путем, таким обходом (Гегель называл это «уловкой Истории») стало прививаться в России обучение, которое превратилось постепенно в образование, стало распространять европейскую культуру и создавать просвещенное общество, зачаток гражданского общества.

Одно дело «Просвещение», а «Революция сверху»? Речь уже идет не о «революции», как ее понимала общественность в XVIII в., а о новом грозном понятии, который не дает покоя XIX в. По этому поводу лучше всего привести слова, произнесенные Александром II на общем Собрании Государственного Совета 28 января 1861 г., накануне обнародования Манифеста об освобождении крестьян. Александр II объявляет: «Вам известно происхождение крепостного права. Оно у нас прежде не существовало: право это установлено самодержавной властью и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля». Государь напоминает, что такова была забота его родителя и что он сам, еще в 1856 г., перед коронацией, обратил внимание предводителей дворянства Московской губернии на необходимость заняться улучшением быта крепостных крестьян, присовокупив к тому, что крепостное право не может вечно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразование это совершилось сверху, чем снизу.

Опять звучит вызов: «быть или не быть». Революция сверху или революция снизу? Уроки Французской революции дают понять, что на Западе под влиянием промышленной революции, при эмансипации личности, при росте гражданского сознания совершается неотразимый переход с 2-го на 3-й этап, чреватый неуправляемыми последствиями. А в России просвещенный деспотизм еще не успел принести плоды, ожидаемые просвещенным обществом; он продолжает колебаться между самодержавием и конституционным режимом.

В 1811 г., накануне нашествия Наполеона, в своей знаменитой «*Записке о Древней и Новой России*» Н.М. Карамзин задает вопрос: можно ли ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной Царской власти? Можно ли поставить закон выше Государя? «Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Самому ему? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые Государем или Государством? В первом случае они угодники Царя, во втором хотят спорить с ним о власти: вижу Аристократию, а не Монархию». Недавний гибельный пример Польши бросается в глаза, но всякая задержка в проведении реформ, на которое обречен просвещенный деспот, грозит вспышкой недовольства. Аракчеевщина, реакционная политика фаворита Александра I, вызывает восстание декабристов. Речь уже идет не о дворцовом перевороте, в преторианской традиции, гвардейских полков, а о политическом выступлении просвещенного дворянства в противовес неограниченной власти самодержавия.

«Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне, — восклицает Пушкин. — Сколько их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много». Он убежден, что просвещенному дворянству предоставлена миссия содействовать продвижению петровских реформ. Подавив восстание декабристов, не выдает ли себя сам Николай I за второго Петра Великого? В своем дневнике Пушкин записывает в форме вызова свой разговор с Великим Князем: «*Vous êtes bien de votre famille, tous les Romanoff sont révolutionnaires et niveleurs*». При этом Пушкин, автор «*Истории Пугачева*», не забывает жестокий урок пугачевщины: без протекции самодержавия просвещенному, привилегированному сословию грозит народная расправа. Еще долго суждено зарождающемуся гражданскому обществу развиваться под покровительством и надзором просвещенного деспота. А просве-

тительской революции сверху суждено оставаться «перманентной» под бдительным надзором этого общества. К сожалению, не сбываются умеренные надежды автора «*Медного Всадника*». Мятеж на Сенатской площади лишает просвещенное общество доверия самодержца. Николай I приступает к реформам при содействии бюрократического аппарата, в тиши секретных комитетов.

В книге «*L'Idée russe entre Lumières et spiritualité, sous le règne de Nicolas 1er*» я хотел, без предвзятой точки зрения, используя исключительно первоисточники (переписки, мемуары, дневники, статьи современников), воспроизвести умственную и духовную обстановку, которая создалась после того, как образованная общественность, лишенная политического влияния в проведении необходимых реформ, пустилась самостоятельно в поиски русского самосознания, русской идеи. Изучая этот период, историки обращают преимущественно внимание на разрыв между западниками и славянофилами. Я лично не придаю кардинального значения образованию двух противоположных станов по поводу судьбы России, пока спорят между собой воспитанники века Просвещения, излагают противоречия, обсуждают вопросы многосторонним подходом. Все резко меняется на заре решающих реформ царствования Александра II, при появлении «новых людей», разночинцев, интеллигентов, «просветителей народа», которые отстраняют просвещенных дворян от редакций толстых журналов, осмеивают их идеализм, их либерализм, их общечеловеческие ценности, этические и эстетические и завоевывают доверие широкого круга читателей, студентов, новой общественности. Опасались, при отмене крепостного права, мятежных выступлений недовольных крестьян; в подавляющем большинстве они не возражают и принимаются за выкуп земель. Неожиданная оппозиция городской «интеллигенции», выступающей на смену просвещенного дворянства, принимает идеологический характер; оспаривая дворянскую культуру «лишних людей», она ставит под сомнение завоевания западной цивилизации, плоды Просвещения, которые последовательно просвещенный деспот Александр II пересаживает на русскую почву, проводя долгожданные реформы юстиции, местного управления, народного просвещения, военной повинности.

В глазах «народников» Россию можно уберечь от зол, постигших западную Европу: капитализм, господство буржуазии, пауперизм, если она откажется от зловещего пути, который привел Запад в тупик и из которого он не выберется без социальной революции. Зловещим путем для России оказалась просветительская революция сверху, которая развивалась в промышленную, открывала перспективы правового государства, научно-технического прогресса. Россия нуждалась в предпринимателях, в фабрикантах, в коммерсантах, а просветители-народники заговорили о народности, о духовных качествах русского народа, об аграрном социализме, о вековой общине, которая обеспечит русскому народу светлое будущее, когда он избавится от самодержавия, от царской бюрократии, от своих эксплуататоров.

Чтоб избавиться от западной «ложной» модели, открывался выбор между образом вращения и образом линейного процесса. Первому применялось понятие революции в первоначальном смысле «возврата», второму смелое предложение «перескочить» 3-й этап и насильственным путем вступить прямо в 4-й, в светлое будущее социализма, по указаниям философии истории, исторического материализма и прочих историзмов.

Еще в начале 1848 г., незадолго до смерти, убежденный западник, демократ, литературный критик Белинский пишет Анненкову по поводу недавних бесед в Париже с ним и с Бакуниным о «мистической вере в народ»: «Кстати, мой верующий друг и наши славянофилы сильно

помогли мне сбросить с себя мистическое верование в народ. Где и когда народ освобождал себя? Всегда и все делалось через личности (...). Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль (...) Мой верующий друг доказывал мне еще, что избави-де Бог России от буржуазии. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию (...). Не удивляйтесь сближению: лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг; они высосали эти понятия из социалистов, в статьях своих цитируют Жоржа Занда и Луи Блана». (Бел. XII, ст. 452, 467—468).

Крайности сходятся, Белинский понял, что на его глазах создается объективный союз между крайними западниками, как Бакунин, и крайними славянофилами, как Хомяков, против общего врага — буржуазии, современной западной цивилизации и одновременно наследия Просвещения. Прогрессивная интеллигенция получит в наследство от просвещенных дворян начала контрреволюционной идеологии, *популизма* на русский лад.

В наши дни, у нас, кратковременные проявления популизма рассматриваются, как симптомы политического недуга демократии, как признаки утраты доверия в элиты, например, Национальный фронт и Ле Пэн во Франции. Но при вымирании авторитарной системы правления, при установлении парламентарного режима политический либерализм сталкивается с грозным соперником, с популизмом. Может ли народ сам собой управлять? Несомненно, может, отвечают популисты, но при условии, что будут отстранены продажные личности, карьеристы и вообще все люди, лишённые республиканского целомудрия: слово трибунам, демагогам, разоблачающим изменников, врагов народа и прочих вредителей. Нетрудно также, когда привилегированное сословие пользуется ограниченным избирательным правом, обвинять в формализме и лицемерии представительную систему в глазах большинства населения, лишённого гражданских прав. А введение всеобщего избирательного права может привести к власти не поборника правового государства, а будущего диктатора; французский народ выбрал первым президентом республики Луи-Наполеона, провозгласившего себя императором после государственного переворота. Бонапартизм являлся долгое время французским вариантом популизма.

С виду популизм обладает многосторонним мировоззрением, способным охватить многочисленные проблемы, которые волнуют общественность. На самом деле популизм — понятие пустое, без содержания, хамелеон-оппортунист с односторонним ответом на все вопросы. Он рассеивает чувство страха, опасения перед неизвестностью, упрощает проблемы, выступает с прямыми, бесспорными решениями, осуждает компромиссы, отождествляет терпимость с примиренчеством.

Неудивительно, что понятие *народ* приняло в России кардинальное значение именно тогда, когда назрел вопрос о переходе со 2-го на 3-й этап. Оно выдвигалось в противовес понятию *общества*, гражданского общества, которое сводилось к «высшему», к «светскому» и обвинялось в потери родного самопознания, осуждалось во имя *народности*. Вся русская литература копалась в этом всеобщем обвинении и самообвинении. Редкие писатели продолжали упорно держаться за просветительскую революцию. Среди них — Тургенев, верный последователь заветов Пушкина. Он оспаривал народничество своих старых друзей, бывших западников, и еще в 1862 г. заявлял

в письме В.Ф. Лугинину: «Главное наше несогласие с Огаревым и Герценом — а также с Бакуниным — состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топчя в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформаторские начала в *народе*, на деле же это — совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я бы мог прибавить — в самом широком значении этого слова — существует *только* в меньшинстве образованного класса — и этого достаточно для ее торжества, если мы только самих себя истреблять не будем» (V, 49).

Русский популизм не успел в своем намерении поднять народ против самодержавия; оставалось для самых убежденных его сторонников — выступать против самодержавия, во имя народа, путем терроризма. В этом деле они преуспели, задержав переход авторитарного режима к правовому государству и способствуя обострению общественных отношений. В свое время русская интеллигенция, западная общественность восторгались подвигами карателей самодержавной бюрократии, героизмом царевубийц. В наше время губительные последствия терроризма ясны для всех, но ответственность народничества, русского популизма в катастрофе 17-го года еще не оценена с политической и с исторической точки зрения. А когда такой оценки не дано, неизбежно подобные явления могут повторяться.

На Западе голосование за крайние популистские партии дает возможность избирателю выражать свое недовольство, но, являясь временным явлением, популизм едва ли может дестабилизировать укорененные формы правления. Зато он может стать крупной угрозой для шаткого режима. Популизму, чтобы прийти к власти, нужен харизматический вождь, не только как представитель, а как прямое воплощение стремлений и упований населения. Он отрицает понятие разделения властей во имя единогласия, отказывается от посредства промежуточных инстанций между верховной властью и народом, т.е. избирательным корпусом (многopартийность, самостоятельность профсоюзов, общественных организаций): суверенитет народа воплощается в демонстрациях, митингах, публичных собраниях. Зато он нуждается в идеологии, содержащей, с одной стороны, понятие «исключения»: наши и не наши, кто кого? кто не с нами, тот против нас, т.е. определение «врага», и с другой, провозглашение первенства «наших» в любой области: историческое наследие, расизм, классовое сознание, мессианиззм.

Популизм наступает, когда население сомневается в своих началах, он отступает, когда восстанавливаются доверие, диалог, критическая оценка действительности. В решающий час над судьбой России собрались все перечисленные отрицательные факторы и отсутствовали положительные, спасительные. Однако события 1905–1906 гг., которые потом были прозваны «генеральной репетицией Октября», сыграли роль последнего сигнала до крушения. В 1909 г. авторы сборника «Вехи», бывшие марксисты, потрясенные кратковременным, но внушительным видением того, что ожидает Россию в случае возобновления подобного народного восстания, выступили с обвинительным актом против интеллигенции.

Революция, пишет С. Булгаков, о которой так легкомысленно мечтает прогрессивная общественность, в надежде, что она избавит ее от самодержавия, это духовное детище интеллигенции — огромная разрушительная сила, массовый террор, черносотенство и красносотенство.

Не по силам интеллигенции победить царскую власть, пишет Гершензон, но и не по силам ей выступать перед народом, на митингах, где толпа дает слово только своим любимцам, демагогам. И он добавляет: власть нас еще предохраняет от ярости народа!

Бердяев оспаривает веру интеллигентов в близость социального конца и возможность его достигнуть до Запада: «Нужно наконец признать, что «буржуазная» наука и есть именно настоящая, объективная наука, «субъективная» же наука наших народников и «классовая» наших марксистов имеют больше общего с особой формой веры, чем с наукой».

Тем не менее, когда читаешь воспоминания либерально настроенных современников накануне Великой войны, поражает оптимизм большинства из них, оптимизм, общий с веком, со всей Европой, при успехах прогресса в всех областях. Даже в России не обеспечивают ли проведенные реформы социальную стабильность и постепенный переход к парламентарной, конституционной монархии? А если дело задержится, то быстрым политическим кризисом можно будет России избавиться от пережитков самодержавия и занять свое место среди свободных европейских государств. Та же уверенность царит по поводу международных отношений: быстрым военным походом можно будет окончательно покончить с милитаризмом Германии в союзе с демократическими странами. Современной Европе и всему цивилизованному миру не до длительных конфликтов: не допустят этого экономические его структуры! Неужели просветительская революция сверху достигает наконец своей цели, переход с 2-го на 3-й этап, несмотря на все препятствия, которые невидимая ползучая контрреволюция рассыпала на ее пути?

Даже весной 17-го года, в самый разгар войны, когда государь Николай II отрекся от престола, чтобы уберечь Россию от гражданской войны, установление Временного правительства воспринималось как решающий момент «великой, бескровной революции». Как Англия в 1688 г., новая Россия переживала свою «Славную Революцию». Но не тут то было. В сказке о «Спящей красавице» на крестины новорожденной принцессы среди добронамеренных фей забыли пригласить ведьму Карабосс. Она сама себя приглашает на праздник, и она за это мстит. Так же получилось с Лениным. Пока его товарищи большевики в Петрограде готовы были признать законность буржуазного Временного правительства, он на чужбине кипел негодованием и, как только оказался на «празднике», объявил войну буржуазной революции, призывая к насильническому свержению капитала, т.е. к гражданской войне. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечесть его «Апрельские тезисы», подробное изложение его контрреволюционной программы; я ее цитирую в своем московском выступлении. Социал-демократы, меньшевики опасались авантюризма Ленина, ожидали по примеру Франции реакции на его максимализм со стороны «нового Бонапарта», генерала Корнилова, но контрреволюционный удар был нанесен не с правого, а с левого фланга! Еще до сих пор историки не разбираются в этом непривычном политическом поступке, потому что он не вмещается в рамки привычного изложения событий, которому способствовали усердно и единодушно французские и советские историки: Французская великая революция оканчивается победой буржуазии, несмотря на героические усилия якобинцев, но она чревата продолжением и развитием в социальную революцию, которая обеспечит не только формально политические свободы, но введет тоже социальное обеспечение и равенство между гражданами. То, за что французский народ тщетно боролся в течение всего XIX века, Великая Октябрьская социалистическая революция достигла, свергнув в России власть буржуазии и помещиков, создав государство рабочих и крестьян, диктатуру пролетариата, в форме республики Советов.

По поводу франко-русских отношений в области культуры я писал, как страна прав человека и родина социализма обменивались десятиле-

тиями, официально и официозно, гнусными любезностями: «Вы начали, а мы закончили», «Мы начали, а вы закончили». Комедия эта длилась, пока во Франции продолжали Великую революцию рассматривать в целом, от введения конституционной монархии до Террора и якобинской диктатуры, и пока ею занимались видные робеспьеристы. Все изменилось накануне празднования двухсотлетия 1789 г. Благодаря работам крупных историков, как покойный François Furet, стало возможным отмежеваться от проступков Комитета общественного спасения и сохранить как ценный вклад в историю Франции завоевания первого просветительского периода французской революции. Несмотря на давление со стороны робеспьеристов и прогрессистов, двухсотлетие первой (кровавой) республики не праздновалось в 1992 г. Тогда уже СССР канул в Лету и никому больше не приходило в голову обращать внимание на то, что для советских историков революционный процесс прерывался во Франции падением Робеспьера, отменой якобинской диктатуры и политики Террора и снова воскресал в России диктатурой пролетариата и введением ленинского террора! Вот вам преемственность ценных культурных завоеваний! «Истинные» революционеры, большевики, опираясь на эту легитимность, прозвали контрреволюционерами всех противников террористических форм правления, от монархистов и либералов до умеренных, просвещенных революционеров.

Чтобы распределить более справедливым образом роли действующих лиц в умышленно запуганной ситуации, я предлагаю следующую схему:

1 — Свобода

просвещение, наука
традиции
равенство, гражданство
правовое государство
терпимость, диалог, гласность

3 — Беспорядок

обличение признанных ценностей
вольнодумство, вольность
нигилизм, анархизм
авангардизм

2 — Порядок

заветы,

иерархия, подданство
авторитарное правление
принципиальность

4 — Деспотизм

антиинтеллигентность
популизм, культ вождя
примат силы, военщина
нетерпимость, конспиративность

Ползучая контрреволюция вышлывает снова наружу в 1917-м г. и побеждает. Почему? Можно, конечно, привести много причин: потеря престижа царской фамилии, военные поражения и непопулярность войны, продовольственный кризис в столицах, отсутствие там верных гвардейских полков и т.д. Опираясь на исторические данные и смотря на пройденный путь трехсотлетней династией Романовых, убеждаешься, что две основные причины сыграли решающую роль: отречение от престола царя Николая II и круговорот, который раздули большевики, поощряя и побуждая безнаказанные мятежи и расправы в тылу и на фронте. Среди народа, несмотря на все, царская власть сохраняла священное значение. Именно эта власть предохраняла просвещенное общество, наступающее гражданское общество, новую Россию от ярости пугачевщины. Таков был залог: Романовым суждено было править Россией не только во славу империи, но с намерением присоединить ее к европейской семье. Другого пути не было, кроме перехода со 2-го на 3-й этап. Ни к чему обвинять царей в близорукости, в тупом консерватизме или искать причины, почему Екатерина II не дала повод своим просветительским намерениям, почему Александр I не поддержал Сперанского, почему Александр II не успел подписать конституционный проект, почему, почему... Не зря цари колебались.

Исторический переход государства с авторитарной системы на демократический режим предполагает серию условий, которые я не буду тут приводить; я позволю себе сравнение. При переходе надо пробиться через препятствия, для сверхзвукового самолета это — преодолеть звуковой барьер. Если самолет не обладает подходящим профилем, то он разбивается на части. Такова была судьба царской России: она еще не обладала необходимым политическим, культурным, общественным профилем, чтобы совершить этот опасный полет. Цари это знали, может быть, более чутьем, чем умом. В царской теплице выращивались экзотические растения: права человека, *Nabeas corpus*, правовое государство, конституция, гражданское общество. Они прожили лишь несколько месяцев, когда без присмотра они столкнулись с чужим, враждебным миром. Мириться с носителями просветительской революции? Большевикам было не до этого, они разжигали мировой пожар и, чтобы захватить власть, совершили преступный поступок, от которого отказывались до тех пор все ответственные политические лидеры, о котором только говорили анархисты и максималисты: пустить на Россию пугачевщину, заварить сокрушительный круговорот, не заботясь о последствиях в экономике, в обществе, в культуре. Большевики одержали победу в политике.

В Европе пожар погасили, а Россия сгорела. Поэт Александр Блок объявляет, что побежденным оказалась гуманная цивилизация, победителем — дух музыки. Он прислушивается к музыке революции: «весь человек пришел в движение, он проснулся от векового сна цивилизации (...), формируется новый человек: человек — животное гуманное, животное общественное, животное нравственное — перестраивается в *артиста*, говоря языком Вагнера» (2, 326).

Нужно было быть артистом, поэтом, чтобы поверить в чудо: Октябрь, как ковер-самолет, пролетел над погибающей европейской цивилизацией и перенес многострадальную его родину в царство Светлого будущего.

Хотя советские ученые и старались доказать, что, следуя законам исторического материализма, Россия прошла по всем ступеням развития: феодализм до 1861-го г., капитализм до 1917-го — и может уверенно приступать к строению социализма, горькая правда стала постепенно бросаться в глаза: ковер-самолет не преодолел звуковой барьер, разбился на части и отбросил Россию в далекое прошлое, в нравы и общественные отношения, свойственные 1-му этапу. Приходилось все начинать сначала, но с этим трудно было согласиться.

	4 этап? или	обратно к 1 этапу?	и... к СССР
Политика	Вся власть советам; отмирание государства	Монолитность; державность	Командно-админист. система
Экономика	Экспроприация экспроприаторов	Порабощение раб. силы; коллективизация крестьян	Военно-промыш. комплекс
Общество	Строительство социализма	Руковод. роль партии мобилизация масс	Интеллигенция / народ
Культура	Культурная революция пролеткульт и т.д.	Коллективизм; партийность	Соцреализм / диссидентство

Прошло 70 лет. По случаю 70-летия Октябрьской революции М.С. Горбачев заявляет, что при перестройке революция продолжается. В своей книге

«Перестройка и новое мышление» он объясняет, почему на 70-м году Октября заговорили о новой революции: «Можно подойти к ответу на этот вопрос с помощью исторических аналогий. Ленин в свое время подметил, что в стране классической буржуазной революции, во Франции, после Великой революции 1789—1794 гг. потребовалось еще три революции (1830, 1848 и 1871 гг.), чтобы довести до конца начатое ею дело. Англии, чтобы довершить кромвельскую революцию, оказалась необходимой реформа 1832 г., а Германии потребовались две буржуазно-демократические революции (1848 и 1918 гг.) и между ними крутые реформы Бисмарка».

Ссылаться на Ленина и проводить параллель между перестройкой и «классической буржуазной революцией»? Не об одной и той же революции с Лениным говорит Горбачев. Вольно или невольно пошел процесс восстановления правового государства и конфронтации с «завоеваниями» Октября. Горбачев выступает в роли «просвещенного деспота» в борьбе с феодалами, обращается впервые после большевистского переворота к началам классической буржуазной революции. Снова наступает решающий час: готов ли Советский Союз к переходу со 2-го на 3-й этап? Союз разбивается на части, братские и союзные республики расходятся, а в России, наконец избавленной от коммунистического ига, торжествует не демократия, а популизм Ельцина.